

УТВЕРЖДАЮ

Вр. и. о. директора

ФГБУН Институт этнологических исследований

им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра

Российской академии наук

д. полит. н.

Р. М. Мухаметзянова-Дуггал

25 мая 2016 г.

Отзыв

ведущей организации

на диссертационную работу **Хамидуллина Салавата Ишмухаметовича**
«Бурджаны: источники, история изучения, гипотезы», представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертационное исследование посвящено происхождению и этнической истории бурджан (бурзян) – родового подразделения в составе башкирского народа. Несмотря на то, что данный вопрос неоднократно затрагивался в работах отечественных и зарубежных авторов, происхождение бурджан, упоминаемых в большом числе восточных источников, не было предметом специального изучения. Названное родовое подразделение является одним из основных этнообразующих компонентов башкир, без понимания этнических корней которых невозможно решить вопрос об этногенезе народа и этнической истории Евразии в целом. Автор диссертации поставил перед собой сложную задачу ответить на вопрос о происхождении бурзян и их роли в этногенезе башкир, что придает его работе **актуальность**.

С. И. Хамидуллин объясняет нерешенный до сих пор вопрос соотношения этнонимов “булгар” и “бурджан”, названный им “булгаро-

бурджанской проблемой". Обращаясь к предмету исследования, он также затрагивает ряд спорных моментов в истории дунайских и северокавказских булгар, а следуя к ее цели, обосновывает гипотезу об восточноиранском (туранском) происхождении бурджан и делает сравнительный анализ башкирского эпоса и эпического наследия Ирана, запечатленного в Авесте, "Шахнаме" и зороастрийских трактатах. Автор не ограничивается анализом имеющихся источников, он предлагает собственную концепцию одного из древнейших этапов этногенеза башкир. Справедливости ради следует сказать, что мысль об участии иранского (скифо-сарматского) субстрата в сложении современных башкир не является новой, поскольку уже озвучивалась С. И. Руденко, Р. Г. Кузеевым, Р. З. Янгузиным и др. Однако для ее обоснования ими не приводились данные письменных и других источников. С. И. Хамидуллин значительно конкретизировал данный вопрос, довольно убедительно обосновав происхождение бурджан из среды аланских племен Приаралья.

Источниковой базой диссертации является солидный корпус текстов – 144 наименования – исторического, географического и мифологического содержания на русском, арабском, персидском, западноевропейских и других языках, включая "Повесть временных лет", "Полное собрание русских летописей", Авесту, Ибн-Фадлана, Руми, Йосифа Флавия, башкирские родословные – шежере. В исследовании также привлечены сведения по истории, этнографии, археологии, источниковедению, ономастике, этнонимии, фольклористике, что делает выводы автора еще более убедительными. Самостоятельную ценность имеют комментарии к башкирским и иным понятиям и терминам (*сэсэн, кучуган, уран, имя Алдар* и прочие с привлечением разноязычных источников).

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, показана степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи,

проанализирован комплекс источников, определены его объект и предмет, установлены территориальные и хронологические рамки, сформулированы методологические подходы.

В первой главе («Бурджан в письменной традиции Востока») приводится историографический обзор вопроса о соотношении этнонимов “булгар” и “бурджан” в арабо-персидской литературе. Дело в том, что в современной отечественной и европейской историографии считается, что оба названных этнонаима равнозначны друг другу, а, вернее, термин “бурджан” является арабским эквивалентом народного названия “булгар”, тем самым, отрицается существование в прошлом этноса бурджан. Однако контекст употребления названных источников в арабских и персидских источниках приводит к выводу, что речь идет о разных народах. Анализ сведений, касающихся хоронимов Булгар и Бурджан, показывает, что в целом они не совпадают друг с другом географически, хотя в некоторых источниках все же наблюдается смешение этих этногеографических понятий.

Во второй главе («Бурджан и Берзилия: хронология, локализация, этническая атрибуция») устанавливается, что берзилы, согласно армянским источникам, были участниками событий III в. н. э. В то же время арабский географ Ибн Хордадбех пишет, что Бурджан-шах жил в эпоху шаха Ардашира Папакана (III в.). Из чего делается вывод о том, что берзилы и бурджаны выходят на историческую арену около III века. В данной главе также устанавливается факт географического соответствия друг другу топонимов Берзилия и Бурджан. Далее автор приводит анализ названий “берзил” и “бурджан”, из которого следует, что оба они были разными фонетическими конструкциями одного и того же этнонаима. Что касается этнической атрибуции бурджан/берзил, то в сирийских, арабских и башкирских источниках они именуются родственниками алан.

Третья глава («Этнополитическая история бурджан в III–XIII вв. н. э.») посвящена ранней истории бурджан/берзил и их взаимоотношениям с империей Сасанидов, гуннами, аварами, тюрками, савирами, булгарами,

хазарами в то время, когда они пребывали в составе державы гуннов, Аварского, Тюркского и Хазарского каганатов. В данной главе устанавливается факт их происхождения из этнической среды дахов (*daha*) – племен индоиранской общности, упоминаемых Авестой и Ригведой. В пользу чрезвычайной древности названия *daha* говорит то, что оно вошло в древнеиранский фольклор, оформившись в имени дракона Ажи-Дахака (“Змей Дахака”). Таким образом, в диссертации делается предположение, что социальное деление на ариев и дахов существовало еще в период их пребывания в легендарной стране Арьянам Вайджа (“Арийский простор”).

В дальнейшем предки бурджан/берзил, по данным иранского эпоса и этногенетических преданий, фиксируются в составе племен туров или *tura* Авесты, которые соответствуют массагетам греческих авторов. В новоперсидской эпической традиции, запечатленной в поэме Фирдоуси “Шахнаме”, их политическое объединение обозначается термином “Туран” (“Страна туров”). Среди союзников туранского царя Афрасиаба упоминается его родственник витязь Бурзевейла, чье имя, по мнению исследователей, является персонификацией этнонима “бурзула” или “берзил”.

В данной главе также анализируются собственно пехлевийские (среднеперсидские) источники, а также сочинения арабских авторов на предмет упоминания в них бурджан в контексте политических событий, происходивших в III–VI вв. на северной периферии Сасанидской империи. По мнению автора диссертации, правитель Бурджана упомянут в надписи шаха Нарсе под титулом «царя маскутов» («царя массагетов»). Царство маскутов (*mskyt'n*) располагалось на территории северо-восточного Азербайджана и южного Дагестана, между реками Кура и Самур, распространяясь на север от Дербентского прохода.

Далее в разделе анализируются отношения берзилов с гуннами, булгарами, хазарами, аварами и тюрками. Устанавливается факт того, что так называемое «Царство гуннов» армянских сочинений территориально совпадает с владением Бурджан арабских источников. В результате

опустошительных персидских, а затем арабских вторжений оно погибает, а его жители мигрируют в разных направлениях. Часть из них, возможно, уходит вместе с булгарами на Дунай, другая часть переселяется на Среднюю Волгу и Южный Урал, где их появление фиксируют материалы турбаслинской археологической культуры.

Четвертая глава («Элементы индоиранской мифологии в духовной культуре башкирского народа») посвящена сравнительному анализу башкирского эпоса “Урал-батыр” и мифологии древних ариев, отраженной в Ригведе, Авесте и пехлевийских сочинениях. Кроме того, в данной главе исследуются тотемистические представления древних башкир и элементы их религиозной системы. В научной литературе неоднократно отмечалось, что многие персонажи башкирского народного эпоса связаны с образами индоиранской мифологии. В данном разделе автор диссертации проводит параллель между культурным героем Авесты царем Йимой и Урал-батыром башкирского эпоса, между мифическим змеем Ажи-Дахаком и драконом Кахкахой, между птицей Сэнмурв (Симург) и «птичьим царем» Самрау, между птицей Хомай и девой-птицей Хумай. Кроме того, диссидент выделяет следы древнеиранской мифологии в тотемистических представлениях древних башкир.

В **Заключении** автором сформулированы основные выводы диссертационного исследования о том, что бурджаны являются потомками массагетов – древних наследников Южного Урала и Приаралья. Лишь в результате последующего этнического симбиоза с гуннами, булгарами, тюрками произошла смена их этнического облика. В I–II вв. н.э. в потоке аланских передвижений они мигрируют из Приаралья на Кавказ. Политическое объединение Бурджан существовало в III–VII вв. н.э. на территории Восточного Предкавказья и территориально совпадало с так называемым «Царством гуннов», которое погибло в ходе кровопролитных арабско-хазарских войн (VII–VIII вв.). Его население мигрировало в разных направлениях. Часть населения Бурджана переселяется на территорию

Южного Урала, что нашло отражение в памятниках турбаслинской археологической культуры, локализуемой в районе г. Уфы и имеющей явные северокавказские (аланские) и дунайско-болгарские параллели. Топоним Бурджан, применяемый арабо-персидскими авторами к определенной территории Балкан, можно сопоставить с княжеством Берзития в Македонии или с так называемой Куберовой Болгарией. Но, к сожалению, наличный материал не позволяет с достаточной уверенностью ставить между ними знак равенства.

Диссертацию С.И. Хамидуллина можно охарактеризовать как глубокое научное исследование, основанное на скрупулезном анализе зарубежных и отечественных источников. В ней приведена самая полная на данный момент сводка сведений о бурджанах. Она отличается высоким теоретическим уровнем и большим объемом фактологического материала. Автором воссоздана цельная картина этнических процессов, протекавших в треугольнике между Приаральем, Северным Кавказом и Южным Уралом, и предложено приемлемое объяснение запутанной булгаро-бурджанской проблемы. Цель исследования о восточноиранском (туранском) происхождении бурджан, заявленная во Введении, можно считать достигнутой.

Вместе с тем нельзя не обратить на некоторые **недостатки** исследования.

Во-первых, построения автора порой недостаточно аргументированы, например, при характеристике соотношения древнейших общностей ариев и дахов. Впрочем, когда речь идет о такой древности, трудно утверждать что-либо с определенностью, можно лишь делать предположения.

Во-вторых, исходя из названия диссертации, в Заключении хотелось бы получить более конкретные структурированные ответы на поставленные цель и задачи.

В-третьих, карты в Приложении не снабжены ссылкой на источники, откуда они взяты. Возможно, они составлены самим автором.

Впрочем, высказанные замечания не имеют принципиального значения и не влияют на общую высокую оценку работы. Они носят рекомендательный характер, рассчитаны на дальнейшие исследования диссертанта.

Значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно расширяет историческое знание об этнокультурных процессах в Евразии в III–XIII вв., вводит в научный оборот комплекс источников на русском, арабском, персидском, тюрки, фарси, башкирском, турецком, английском, французском, латинском, греческом и других языках. Предлагает новые гипотезы, касающиеся «буржано-булгарской проблемы» и роли бурджан (бурзян) в этногенезе башкирского народа.

Рекомендации по использованию результатов и выводов исследования. Выводы диссертационного труда могут и должны использоваться при реконструкции этнических процессов в Евразии, подготовке обобщающих монографических исследований, написании учебников и учебных пособий, в научно-просветительской работе.

Очевидны **перспективы** дальнейших исследований научной проблемы. Считаем целесообразным продолжить изучение этнической истории башкир и других народов на основе широкого круга источников, в том числе археологических памятников, этнографических артефактов, этногенетических материалов с целью выявления иранского компонента в материальной и духовной культуре башкир (одежда, орнамент, система питания, обряды, праздники и пр.).

Текст диссертации представляет собой концентрированный итог многолетних исследований автора. Диссертация является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой. Итоги исследования предварительно опубликованы в 12 научных трудах, в том числе журналах из списка ВАК – 3 публикаций. В список литературы не включена монография «Бурджаны в истории Евразии», опубликованная автором в 2013 году в

издательстве «Гилем» и «Башкирская энциклопедия» (224 с.), и получившая высокую оценку научной общественности в России и за рубежом.

Диссертация написана грамотным научным языком в соответствии с требованиями научной речи. Автореферат и опубликованные статьи отражают основные положения диссертации. Автором обеспечена публичность и открытость результатов полученных в диссертации выводов, что является одним из главных требований, предъявляемых к подобного рода квалификационным сочинениям. Многие публикации автора размещены в сети интернета. Отрадно так же то, что абсолютно все публикации являются индивидуальными сочинениями автора, что позволяет полно оценить личный вклад соискателя в изучение данной проблемы.

По актуальности, новизне, методологии, научной и практической значимости полученных результатов, широте источников, обоснованности выдвинутых гипотез, достижению поставленных цели и задач представленная диссертация **Хамидуллина Салавата Ишмухаметовича «Бурджаны: источники, история изучения, гипотезы»** полностью соответствует требованиям, предъявляемым к подобным сочинениям «Положением о порядке присуждения учёных степеней», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842 (пп. 9, 11, 13, 14, 19), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Отзыв составлен главным научным сотрудником, заведующим отделом этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, доктором филологических наук, кандидатом исторических наук, доцентом Ф.Г. Галиевой.

Отзыв обсужден и утвержден на расширенном заседании отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, протокол № 5 от 25. 05. 2016 г.

Зав. отделом этнографии ИЭИ УНЦ РАН,

доктор филологических наук,

кандидат исторических наук, доцент Ф.Г. Галиева

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.

Россия, 450077, Уфа, ул. К. Маркса, 6.

Тел. (347) 272-29-79, email cesmae@mail.ru Сайт [www. http://ikuzeev.ru](http://ikuzeev.ru)